

Кугел Дж.

В ДОМЕ ПОТИФАРА. БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ПЕРЕВОПОЛОЩЕНИЕ

пер. с англ. М. Вогмана. М.: Текст; Книжники, 2010.
476 с. (Чейсовская коллекция).
ISBN 978-5-7516-0906-1; 978-5-9953-0079-3

УДК 82-95 (22.06)

DOI: 10.31802/2658-4476-2019-4-4-268-279

Анализируемая работа Джеймса Кугела¹, выдающегося исследователя Священного Писания, почётного профессора университетов Бар-Иланского (Израиль) и Гарвардского (США), представляется весьма значимой для библеистики. Несмотря на то, что по-английски эта книга была впервые издана в 1994 г., а на русский язык была переведена в 2010 г., она продолжает быть актуальной, особенно для тех, кто изучает литературу Второго Храма. И дело не только в том, что на её страницах мы найдём подробную экзегезу Быт. 39, 1–20, то есть истории пребывания Иосифа в доме Потифара. В вводной части (параграф «Цель данной книги», с. 13–24) автор подробно говорит о своём методе² исследования комментариев, в основном иудейских, Ветхого Завета. По сути дела, он отвечает на вопрос, как нужно изучать библейские экзегетические памятники. При этом исследует не только ветхозаветные апокрифы, таргумы, Талмуд (Вавилонский и Иерусалимский), собрания мидрашей и т. п., но и тексты Нового Завета и даже Коран. Такой подход обусловлен тем, что христианство является, согласно его мнению, иудейской сектой, которая восприняла вместе с ветхозаветными Писаниями иудейскую интерпретацию, их представления о смысле конкретных библейских

1 Оригинальное название — *In Potiphar's House. The Interpretive Life of Biblical Texts*.

2 Говоря о методе, Дж. Кугел тут же отмечает, что подразумевает под этим понятием в рамках своего исследования: «Со временем я выработал метод для работы с проблемами такого рода (имеется в виду анализ библейских комментариев, причин их возникновения, взаимоотношение и т. п. — *диак. Н. Ш.*), хотя, возможно, “метод” здесь слишком громкое слово, коль скоро речь идёт о простой последовательности действий и системе постановки вопросов» (*Кугел Дж. В доме Потифара. Библейский текст и его перевоплощение* / пер. с англ. М. Вогмана. М., 2010. С. 13).

фрагментов. Как следствие, «этот общий пласт толкований и лежащих в их основе логических посылок — немаловажное явление; он, быть может, способствовал формированию характера обеих религий даже в большей мере, нежели сам текст Писания как таковой» (с. 9). Сразу скажем, гипотеза несколько необычная, свидетельствующая о том, что Кугел знает о христианской экзегезе скорее понаслышке, чем реально её изучал. Действительно, наблюдается определённое влияние иудейских толкований и их критическая рецепция, но вряд ли это повод говорить, что данные комментарии существенным образом повлияли на формирование религии.

В свою очередь, Коран привлекается Дж. Кугелом потому, что в нём встречаются многие еврейские толкования. Это обусловлено тем, что, например, «Мидраш ha-гадоль», истории которого очень похожи на серию толкований из Корана, был написан в Йемене, на Аравийском полуострове, где жили арабоязычные евреи. Благодаря им Коран и обогатился интересными комментариями. При этом «Коран, не заинтересованный в толковании Библии как таковой, просто перенял некую толковательную традицию, потому что она была ещё и хорошей историей (речь о том, как к жене Потифара пришли её подруги, чтобы посмотреть на предмет её страсти — великолепного Иосифа. — *диак. Н. Ш.*), а затем вплёл её в свой рассказ о Юсуфе» (с. 98). Стало быть, Кугел, изучая иудейско-христианскую интерпретацию Танаха, содержащуюся, в частности, в неканонических книгах Ветхого Завета, обращается ко всем источникам, в которых он обнаруживает хоть какую-то библейскую интерпретацию.

Итак, посмотрим на его алгоритм исследования источников, представляющий, по всей видимости, композит таких методов как: компаративного, ретроспективного, дистрибутивного, синхронного и диахронического. Вообще, возникновение библейских интерпретаций обусловлено следующими аспектами:

- значимость книг (особенно Пятикнижия);
- неочевидность смысла (слова, утратившие значение, неизвестные обычаи, личности, географические наименования);
- противоречивость библейских фрагментов;
- отсутствие подробностей, приводящее к смысловым лакунам, то есть некая недосказанность, упущение информации (с. 10).

Как следствие, «в нашем распоряжении находится обширный корпус библейских толкований, которые содержатся в документах на два-три века предшествующих н. э., а отдельные письменные свидетельства

интерпретаторской деятельности уходят корнями в ещё более раннее время. Более того, древнейшие указания на толкование Библии следует видеть уже в ней самой — это те тексты более поздних библейских книг, которые пытаются интерпретировать стихи ранних, это глоссы, введённые в текст позднейшими переписчиками и редакторами и т. п.» (с. 9–10).

Поскольку Кутела интересуют не только комментарии, но и их происхождение, он стремится изучить сами экзегетические традиции, которые в течение времени неоднократно воспроизводились. При этом «поскольку человеку свойственно как ошибаться, так и творить, традиции редко бывают совершенно идентичными. Авторы зачастую делают ошибки, переписывая источники, не понимают их или просто считают, что лучше было бы пересказать всё своими словами. В итоге, одна и та же экзегетическая традиция может дойти до нас в пяти, а то и десяти разных формах, и порой, чтобы проследить их происхождение и взаимосвязь, требуется провести настоящее расследование» (с. 12).

Итак, при изучении источников первостепенной задачей является «выявить потенциальные толкования, внимательно сопоставляя вторичный текст с библейским оригиналом» (с. 17). Такой подход предполагает прежде всего изучение интересующего библейского фрагмента в рамках Священного Писания (контекст, в том числе и самый широкий, параллельные места, аллюзии и т. п.). Это позволит в древних переводах, пересказах, проповедях, молитвах, комментариях обнаружить толкование как таковое, ведь «любое отклонение от текста Библии — потенциальный комментарий (всё же, оговоримся, не с необходимостью, а только с некоторой вероятностью)» (с. 18). Таким отклонением может служить не только пространное толкование, но и любое слово, отличающее библейскую цитату от признанных источников Священного Писания. Относительно последнего заметим, что это не совсем так. Дело в том, что у нас нет ни одного библейского протографа. Так что если у кого-то из комментаторов мы встречаем цитату, где слово (или несколько) отличается от всех существующих источников, то это вовсе не значит, что он что-то добавляет от себя. Вполне возможно, что он приводит несохранившийся источник или же, что невозможно исключить, протограф. Тем не менее подобные явления Дж. Кугел именует «нарративными расширениями (narrative expansions)» (с. 19 и далее).

После того как мы обнаружим нарративные расширения, нам следует «выделить каждую единицу комментария и понять, какую толковательную идею она несёт» (с. 20). Такой подход обусловлен тем,

что толкования передавались сначала изустно, затем претерпевали различные переписывания, географические путешествия. Более того, часто два и больше изначально разных толкований объединялись со временем в одно. В результате получаются родственные, но совершенно разные, на первый взгляд, комментарии, а также искусно объединённые интерпретации. Для того чтобы проследить генезис толкований, что позволит установить родство и разъединить соединённое, необходимо обратить внимание на «экзегетический мотив». Приведём авторскую дефиницию этого понятия:

«Экзегетический мотив — это общее соображение о том, как толковать библейский текст, на котором базируется — полностью или частично — нарративное расширение. Иначе говоря, это допущение древнего толкователя о том, что именно та или иная деталь в Библии может подразумевать. Например, как мы увидим во второй главе, необычная словесная конструкция в повести об Иосифе заставила древнего толкователя предположить, будто в какой-то момент событий жена Потифара — его египетского хозяина — собрала всех окрестных дам поговорить об Иосифе. И этот экзегетический момент — “собрание дам” — воплотился впоследствии в разных нарративных расширениях, которые мы находим в различных видах в целом ряде древних текстов» (с. 21–22).

Между тем сам этот мотив может измениться, развиваться, так что образуются «вариантные мотивы» первоначального инварианта» (с. 22). Таким образом, после того как мы обнаружим нарративные расширения, мы должны постараться выявить в них толковательные идеи, то, что послужило созданию интерпретации.

Наконец, последним этапом последовательного проникновения в генезис толкований является необходимость «разобрать каждый экзегетический мотив в отдельности» (там же). Эта задача обусловлена тем, что некоторые толковательные мотивы со временем стали авторитетными (авторство, локация, то есть авторитетный документ). Последующие интерпретаторы были вынуждены их учесть, а поэтому порождали гибриды толкований, соединяя зачастую противоречивые комментарии. Это было непростой задачей, реализовать которую помогали допустимая избыточность экзегезы, дублирование мидрашей и нарративные повторы. Они и представляют собой «мелкие улики», позволяющие разграничить разные толкования (с. 23).

Также Дж. Кугел использует метод обратного проектирования — «способ реконструировать связь конкретного мотива с его предположительным библейским источником» (там же). Таким образом, при

изучении комментариев на Священное Писание Кугел использует следующий алгоритм действий (его метод): выявление интерпретаций посредством сличений с Библией => вычленение единиц комментариев и их экзегетических идей => изучение толковательных моментов по отдельности. В результате посредством обратного проектирования он стремится пройти путём толкователей, чтобы увидеть с чего всё началось. И здесь важно акцентировать внимание на том, что для Кугела не представляется важным хронология письменной фиксации экзегезы, поскольку, как он считает, изначально бытовала устная традиция комментирования. Так что в сравнительно более поздних памятниках вполне может быть отражена сравнительно ранняя интерпретация. Этот подход нам представляется верным.

Опираясь на собственную методологию, Дж. Кугел первую главу работы посвятил теме «Иосиф в Библии» (с. 28–52). При этом он изучает все библейские упоминания об Иосифе, а также его сыновьях, отмечая, что наиболее полно и разносторонне об этом патриархе сообщается в Книге Бытия. Потом о нём говорится постольку-поскольку, а после Вавилонского плена он становится незаслуженно забытым, лишь изредка упоминаемым, что, возможно, обусловлено тем, что его колена, образованные его сыновьями Манассией и Ефремом, были на севере Израиля. А как известно, после раскола еврейского народа на Северное и Южное царства они пришли к не слишком хорошим отношениям. Более того, Северное царство подчинили себе ассирийцы, которые выселили оттуда многих жителей, а вместо них поселили представителей других племён. Всё это привело к тому, что Иосиф теряет популярность в последующих Писаниях, в том числе и в неканонических книгах Ветхого Завета. Однако в литературе Второго Храма, а также в мидрашах и Коране история Иосифа вполне ожидаемо акцентируется, но не вся, а лишь один фрагмент из его жизни — Иосиф в доме Потифара, хотя он и кажется на фоне жизни Иосифа побочным:

«Перебирая кульминационные точки сюжета, основные его вехи: избалованный ребёнок, одетый в “разноцветную рубашку”; зависть и предательство братьев; темница, где Иосиф толкует сны сокамерников; Иосиф при дворе, управляющий целой страной; посещение Иосифа братьями и хитрость с мешками зерна; трудные времена в Ханаане и споры Иакова с сыновьями; возвращение их в Египет и пир в доме Иосифа; развязка с Йеһудой и поразительное раскрытие Иосифа; встреча Иосифа с престарелым отцом, читатель найдёт инцидент с женой

Потифара побочным, занимательным, конечно, и даже значимым, но никак не центральным эпизодом в этой истории» (с. 43).

Итак, почему же именно этот эпизод стал центральным для межзаветной литературы и последующих толкований истории Иосифа? Дж. Кугел считает, что в «источниках того времени и чуть более поздних (в том числе это явственно выражено в Новом Завете), тема прелюбодеяния была одной из тех, что витали в воздухе, поэтому этой достаточно второстепенной линии в истории Иосифа было придано особое значение» (с. 47). В самом деле, во всей Библии это наиболее яркий пример противления прелюбодеянию. Остальные добродетели встречаются у других ветхозаветных праведников, но стойкое воздержание от прелюбодеяния, да ещё и в предсинайский период представляется исключительным.

Прежде чем мы будем далее анализировать работу Кугела, сразу отметим обидный недосмотр. Так, написано, что датировка Пс. 104/105, 16–22³ представляется проблематичной. «Многие исследователи утверждали, что он относится к периоду до Вавилонского изгнания (на том основании, среди прочего, что он частично цитируется в Книге Хроник, 16, 8–22)» (с. 34). Следовательно, раз псалом отражён в книгах Паралипоменон (кстати, издателям/переводчику стояло бы отметить, что это первая книга Хроник, ведь их две) и он относится к допленной эпохе, поскольку частично отражён в 1 Пар. 16, 8–22, то, по крайней мере, 1 Пар. написана перед пленом. Но чуть дальше мы читаем, что «история Иосифа, как и весь эпизод, связанный с Исходом, отсутствует в Книге Хроник... относящейся к периоду после изгнания...» (с. 36). Противоречие очевидно. Более того, непонятно, почему упорно утверждается, что существует лишь одна Книга Хроник, хотя их две. По крайней мере, переводчик мог бы поправить это в личных примечаниях. Итак, отметим, что, согласно филологам, например Яну Йостену, Книги Паралипоменон написаны либо во время Вавилонского плена, либо же после него, но никак не в допленный период⁴. В частности, язык этих книг именуется им и многими другими исследователями⁵

3 В книге написано, что этот фрагмент псалма, написанного об Иосифе, начинается с 17 стиха, что не подтверждается ни масоретским текстом, ни Септуагинтой (Кугел Дж. В доме Потифара. С. 33).

4 Joosten J. The Verbal System of Biblical Hebrew: A New Synthesis Elaborated on the Basis of Classical Prose. Jerusalem, 2012. P. 8.

5 См., например, современную статью, в которой посредством диахронического метода сопоставляются Стандартный библейский еврейский и Поздний библейский еврейский языки, и в ней отмечается, что книги Хроник относятся ко второму из упомянутых

Поздним библейским еврейским (= ПБЕ). Более того, Йостен, исследуя итеративность глагольной формы *w-qāṭal*⁶, логично сопоставляет книги Царств и Хроник, поскольку первые относятся к Стандартному библейскому еврейскому, в то время как вторые — к ПБЕ. Так что на с. 34 Дж. Кугел допустил явную ошибку.

Итак, определив в первой главе, что из всех сюжетных линий в межзаветную эпоху становится актуальным лишь рассказ об Иосифе в доме Потифара, получивший дальнейшую рефлексия, Дж. Кугел главы 2–5⁷ посвятил следующим экзегетическим моментам/мотивам (каждый из перечисленных далее соответствует отдельной главе): «Собрание дам», «Иосиф Прекрасный», «Иосиф передумал» и «Недоступные кости». Изучая каждый из мотивов, Кугел сначала приводит все известные ему толкования, затем вычленяет единицы комментариев и определяет их экзегетические идеи, после чего каждый из толковательных моментов он пытается изучить по отдельности, чтобы проследить их генезис. Подключая ретроспективный анализ, Кугел выделяет ту идею, а значит, и источник, её содержащий, с которой всё началось. При этом он пытается определить и те фрагменты, которые послужили созданию определённых идей. Например, изучая нарративное расширение, возникшее на фоне экзегетического момента «Собрание дам», Дж. Кугел в конце главы пишет⁸:

«Итак, теперь мы имеем вполне завершённую картину эволюции нашего сюжета. Он зародился (первый этап) из обычного наблюдения, что в крике жены Потифара: “Посмотрите, он привёл к нам еврея, посмеяться над нами!” — неизвестно почему стоит множественное число: “к нам”, “над нами”. Это наблюдение вдохновило Филона приписать жене Потифара утверждение, будто рабыни в доме были предметом предыдущих походов Иосифа, а также логически легло в основание раввинистической традиции, которую мы пытались проследить, хотя и не нашло в ней эксплицитного выражения. Когда наблюдение

уровней бытования древнееврейского языка: *Petersson L. The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch // Paradigm Change in Pentateuchal Research / ed. by M. Armgardt, B. Kilchör, M. Zehnder. Wiesbaden, 2019. (Beihefte zur Zeitschrift für altorientalische und biblische Rechtsgeschichte; Bd. 22). P. 251.*

6 *Joosten J. The Disappearance of Iterative WEQATAL in the Biblical Hebrew Verbal System // Biblical Hebrew in Its Northwest Semitic Setting. Typological and Historical Perspectives / ed. by S. E. Fassberg and A. Hurvitz. Jerusalem; Winona Lake, 2006. P. 135–147.*

7 Первая часть его книги; вторая часть — главы 6–9, нумерация глав, как видно, сплошная.

8 См. подробнее параграф под названием «Как развивался мотив»: *Кугел Дж. В доме Потифара. С. 102–107.*

о множественном числе соединилось с надуманным истолкованием глагола *лemor*, наступает второй этап, на котором Потифарова жена созывает всех женщин, чтобы они рассказали своим мужьям, будто Иосиф пытался их обесчестить...» (с. 102–103).

Действительно, выражение ראו הִבִּיא לָנוּ אִישׁ עֲבָרִי לְצַחֵק בָּנוּ / *rʔû hēbīʔ lānû ʔiš ʕibrī l-šaḥeq bānû*, «смотрите! он привёл к нам человека-еврея, чтобы смеяться⁹ над нами» (Быт. 39, 14) — представляется неожиданным из-за контекста, ведь несколькими стихами ранее (39, 11) сообщается, что все куда-то делись и что в доме, куда Иосиф вошёл по своим делам, никого, кроме него и жены Потифара, не было. Она, собственно, воспользовалась ситуацией — попыталась его соблазнить, однако он убежал, оставив одежду. После этого она вдруг к кому-то обращается: «Смотрите!» Подобные затруднения, недосказанности, появление неожиданной информации и т. п. становились причиной возникновения комментариев.

Итак, говоря о рецензируемой книге в целом, хочется отметить, что она состоит из двух частей. Собственно теме «Иосиф в доме Потифара» посвящена первая часть, в то время как во второй изучаются межзаветные и прочие интерпретации следующих тем: «Почему Лемех был слеп», «Псалом 137», «Ненависть и отмщение». В них также Дж. Кугел старается реализовать свой метод (алгоритм исследования), о котором мы порассуждали выше. Всё это представляется актуальным для изучения, особенно тем, кто исследует литературу Второго Храма и иудейские толкования. В плане методологии анализа этих источников особый интерес представляет последняя глава работы (№ 9), в которых сформулированы и проанализированы девять тезисов относительно методов библейской интерпретации в целом (с. 410–448). По сути дела, это выводы о том, как возникал тот или иной экзегетический мотив, как он развивался. Не вдаваясь подробно в анализ, приведём их, а читатель, если заинтересуется и почувствует потребность в серьёзном их анализе, может обратиться непосредственно к рецензируемой книге.

«1. Большинство нарративных расширений в раввинистическом *мидраше* в других ранних текстах отталкивается от определённых странностей в самом тексте Библии. Иначе говоря, эти расширения, сколько бы ни обнаруживалось в них новых мотивов или идей, формально являются частным случаем библейской интерпретации...

9 Глагол רצח / *šāḥaq* в D-порode имеет значения «шутить, насмехаться, играть, веселиться» (A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic / ed. by F. Brown, S. R. Driver and Ch. A. Briggs. Oxford, 1907. P. 850).

2. Изучение мидрашных мотивов есть, таким образом, прежде всего опыт “обратного проектирования”, при котором соответственно должны раз за разом задаваться определённые стандартные вопросы...
3. Экзегетические мотивы обычно возникают из одного-единственного момента, как правило, из затруднительного или странного слова или словосочетания в конкретном стихе. Лишь впоследствии в конкретном нарративном расширении мотив может быть переориентирован на два или более стиха, зачастую достаточно удалённых друг от друга...
4. Экзегетические мотивы путешествуют...
5. Мотивы или их отдельные составляющие часто совмещаются или приводятся в соответствие с другими мотивами...
6. Один экзегетический мотив может повлиять на создание или развитие другого...
7. Наши источники стараются заниматься лишь сравнительно простыми и очевидными экзегетическими задачами, тогда как более поздние тексты пытаются поднять менее очевидные вопросы и/или отвечать на них хитроумнее и сложнее. Естественное следствие такого наблюдения: чем более явную проблему ставит библейский текст, тем скорее найдётся очень древний мотив, её разрешающий...
8. По сравнению с другими ранними источниками экзегезы раввинистические тексты особенно заинтересованы в построении связей между одним библейским текстом или проблемой — и другим, от него удалённым. Такого рода склонность может быть объяснена через стоявшую перед раввинистическими комментаторами задачу “канонизации”...
9. Ранние экзегетические документы разного рода доказывают, по-видимому, уже самой своей формой и колоссальным запасом общих — при всём различии происхождения и идеологии — толковательных мотивов, что уже задолго до н. э. существовал важный корпус стандартных объяснений трудностей и странностей библейского текста. Эти объяснения, судя по всему, не были собраны воедино и записаны, поскольку никаких следов такого документа или отсылок к нему нет. Вместо этого они передавались изустно, возможно, преподавались в школах как часть изучения Святого Писания в рамках начального образования и/или распространялись при публичном литургическом чтении, переводе или пересказе Писания» (с. 411–445).

Таким образом, очевидно, что книга Дж. Кугела не потеряет актуальности хотя бы из-за методов работы с корпусом толкований Библии. При этом интересной особенностью исследования Кугела является то,

что он относится ко всему экзегетическому наследию равнозначно, то есть для него нет авторитетных комментариев. Он просто разделяет все источники на два лагеря: Библия и комментарии. Единственное, что его интересует — где зафиксировано первое нарративное расширение и как этот экзегетический мотив развивался, переходил из одного толкования в другое. Такое отношение несколько непривычно, хотя нельзя сказать, что в принципе неверно.

Наконец, подводя своеобразный итог рецензированию, хочется отметить, что книга Дж. Кугела представляется весьма интересной и полезной для тех, кто изучает межзаветные и иудейские толкования ветхозаветных книг, а также будет полезной и тем, кто изучает герменевтику как искусство понимания и комментирования Священного Писания.

Относительно русского перевода возникло несколько недоумений. Не совсем понятно, почему авторы, зная из оригинального издания, что библейские стихи цитируются в основном по Revised Standard Version, предпочли все цитаты из Ветхого Завета приводить по изданию Мосад ха-рав Кук (см. с. 24)? Даже беглое сравнение демонстрирует, что англоязычный читатель книги Кугела и отечественный будут смотреть на несколько отличные библейские переводы. Так почему же было просто не перевести всё из книги Кугела, зачем понадобилось искать русскоязычные переводы? Если бы они лучше представляли оригинальный текст, то тогда такой подход заслужил бы похвалы. Но это, к сожалению, не так, а поэтому оправданнее было бы либо переводить сразу с масоретского текста, либо непосредственно из книги Кугела. Для наглядности приведём первый же пример цитирования Библии — Втор. 33, 17, сначала из Revised Standard Version, а затем из рецензируемой книги (с. 32):

- His firstling bull has majesty, and his horns are the horns of a wild ox; with them he shall push the peoples, all of them, to the ends of the earth; such are the ten thousands of Ephraim, and such are the thousands of Manasseh;
- Как у первородного быка его великолепие, и рога буйвола — рога его; ими избодает он народы все вместе до края земли; это десятки тысяч Эфраимовы и это тысячи Менашины.

Очевидно, что пусть и небольшие, но различия всё же есть. Особенно это касается первой фразы: «his firstling bull has majesty» || «как у первородного быка его великолепие». В оригинальном тексте

написано: לֹא בְכוֹר שׁוֹרֹוֹ הָדָר לוֹ / *bḵôr šôrô hādār lô*, «первенец быка его — красота у него». Исходя из того, что первые два слова представляют собой сопряжённое сочетание, речь идёт не о первородном быке, а о первенце быка. С таким чтением солидарна Септуагинта — *πρωτότοκος ταύρου*. Во-вторых, ни в масоретском тексте, ни в Септуагинте здесь не употреблён союз «как», поэтому цитата из публикации Мосад ha-рав Кук грешит против оригинала, как впрочем, и Синодальный перевод: «крепость его как первородного тельца» (здесь, помимо обозначенных ошибок перевода, добавляется ещё одна — «крепость» вместо «красота, великолепие»). Более того, когда в книге Кугела встречаются цитаты межзаветных памятников, например, Книги Юбилеев, Завещания двенадцати патриархов и т. п., которые были переведены на русский язык, тогда переводчик книги предпочитает цитировать из этих переводов, хотя куда ценнее было бы просто перевести с английского, чтобы мы видели, с каким текстом работал исследователь.

Но все эти претензии, повторимся, касаются перевода книги. Сама же работа Дж. Кугела производит хорошее впечатление, несмотря на мелкие огрехи. Также несомненным «плюсом» его произведения является наличие сносок. Казалось бы, а как же иначе? Но в связи с этим можно упомянуть современный комментарий на Книгу Бытия Пинхаса Полонского¹⁰, где не только не приводится никакая литература, но и нет конкретных референций на источники (всё сводится к словам: «в мидраше (каком?) написано»). Книга Кугела и в этом плане является образцовой.

Библиография

Bible Works 10. Copyright (c) 2015 Bible Works, LLC. Version 10.0.4.114. (Electronic edition).

Кугел Дж. В доме Потифара. Библейский текст и его перевоплощение / пер. с англ. М. Вогмана. М.: Текст; Книжники, 2010. (Чейсовская коллекция).

Полонский П. Библейская динамика. Комментарий на Книгу Бытия. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2016. Т. 1.

Шаблевский Н., диак. Рецензия на: Полонский П. Библейская динамика. Комментарий на Книгу Бытия. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2016. Т. 1 // Библия и христианская древность. 2019. Т. 2. № 2. С. 295–313.

10 Полонский П. Библейская динамика. Комментарий на Книгу Бытия. М., 2016. Т. 1. См. нашу рецензию на эту работу, опубликованную в журнале «Библия и христианская древность». 2019. Т. 2. № 2. С. 295–313.

- A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic / ed. by F. Brown, S. R. Driver and Ch. A. Briggs. Oxford: Clarendon Press, 1907.
- Joosten J.* The Disappearance of Iterative WEQATAL in the Biblical Hebrew Verbal System // Biblical Hebrew in Its Northwest Semitic Setting. Typological and Historical Perspectives / ed. by S. E. Fassberg and A. Hurvitz. Jerusalem: Magnes Press; Winona Lake: Eisenbrauns, 2006. P. 135–147.
- Joosten J.* The Verbal System of Biblical Hebrew: A New Synthesis Elaborated on the Basis of Classical Prose. Jerusalem: Simon Ltd, 2012.
- Petersson L.* The Linguistic Profile of the Priestly Narrative of the Pentateuch // Paradigm Change in Pentateuchal Research / ed. by M. Armgardt, B. Kilchör, M. Zehnder. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. P. 243–264. (Beihefte zur Zeitschrift für altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte; Bd. 22).

Диакон Николай Шаблевский